

Уничтожение Государственного Дома радиовещания и звукозаписи на Малой Никитской

Время выхода в эфир: 20 АВГУСТА 2018, 21:07

1 1095

ГОСТИ:

Алексей Рыбников
композитор, народный
артист РФ, худрук
«Московской
государственной
творческой мастерской
под руководством
Алексея Рыбникова»

Мария Соболева
профессор Московской
консерватории им. Чайковского

ВЕДУЩИЕ:

**Максим Курников,
Марина Максимова**

М. Максимова

— 21.04 в Москве. Здесь в студии Максим Курников и Марина Максимова.

М. Курников

— Добрый вечер!

М. Максимова

— Добрый вечер! Я представлю наших гостей. У нас сегодня серьезная тема. У нас в гостях Алексей Рыбников — композитор, народный артист России, лауреат Государственной премии России, художественный руководитель учреждения культуры «Московская государственная творческая мастерская под руководством Алексея Рыбникова». Я думаю, что на самом деле это человек, который в особенном представлении даже не нуждается. Здравствуйте!

А. Рыбников

— Здравствуйте! Мария Соболева — звукорежиссёр, профессор Московской консерватории имени Чайковского, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени Герасимова, декан музыкального факультета Института современного искусства. Добрый вечер!

М. Соболева

— Здравствуйте!

М. Курников

— Мы с вами встретились по определенному поводу — не просто поговорить о музыке, к сожалению. Мы поговорим о здании, за которое вы (именно вы как сообщество) все вступились. Давайте в двух словах сначала скажем, что это за здание и почему вокруг него так много шума.

А. Рыбников

— Давайте вы — историю лучше знаете, с чего все началось.

М. Соболева

— Речь идет о Государственном Доме радио— и звукозаписи или Доме звукозаписи.

М. Курников

— Дом звукозаписи — давайте так для удобства.

М. Соболева

— Так он назывался изначально. Находящийся по адресу Малая Никитская, 24, если я не ошибаюсь. Здание, которое воистину является культурным достоянием нашей страны, хотя и не имеет де юре такого статуса. Но я надеюсь, что мы сможем как-то повлиять на эту ситуацию. Здание, которое, как несколько дней назад неожиданно выяснилось, переходит к новому владельцу — издательству «Известия», которое совершенно не профильное с точки зрения назначения этого здания, его богатейшей истории и его богатейших возможностей в будущем. И поэтому, конечно, музыкальная общественность и Москвы, и, я думаю, всей страны в совершеннейшем удивлении и изумлении сейчас пытается понять, что происходит, почему и как это произошло.

Конечно, это здание обладает таким статусом, что судьбу его нельзя решать кулуарно. Судьбу таких зданий нужно решать согласованием всего музыкального сообщества. Это здание адресное, специально когда-то построено для нужд звукозаписи. Если нужно, я могу осветить какие-то вехи истории этого здания. Любое перепрофилирование этого здания (неважно, что там будет: гостиница, Макдональдс — что угодно) в любом случае будет непоправимой утратой для всей нашей страны, всей нашей культуры, всей нашей музыки. Это сейчас основная боль всех нас. С этим мы и пришли.

М. Курников

- Мы практически по всем пунктам остановимся — обо всем, что вы сказали. Вы добавите что-нибудь по ситуации?

А. Рыбников

- Да, общее значение этой студии. Сейчас как-то с большой гордостью говорится, что Москва стала европейским городом, что по цивилизованности мы на уровне Европы, Америки и других стран. Так в цивилизованных странах есть студии звукозаписи, которые служат витриной культуры той или иной страны.

Музыка не имеет границ, музыку слушают везде. А русская музыка — и советская музыка, я вам скажу — это вообще одно из величайших мировых достижений. Она пользуется высочайшей репутацией. Это тоже наше лицо, обращенное в мир и очень хорошо всеми воспринимаемое. И вот представьте себе, что в этой стране, в этом городе есть только одна студия звукозаписи. Одна на всю страну — вот такая специальная, посвященная только этому.

М. Курников

- Классической музыки или...

А. Рыбников

- Почему классической?

М. Соболева

- Акустической.

А. Рыбников

- Ведь акустика имеет колоссальное значение. Там просто замечательный зал. Вот скрипок очень много — а скрипка Страдивари звучит потрясающе, стоит немеренных денег. Почему? Потому что акустика! Так делали деку, что скрипка звучит так. Наверное, эту студию можно сравнить со скрипкой Страдивари, потому что акустика там действительно изумительная, одна из лучших в Европе. Записи, сделанные там, до сих пор на мировом рынке пользуются спросом, и очень серьезным. Фирма «Мелодия» эти записи — и архивные, и которые сделаны не очень давно — представляет на международных ярмарках, на международных форумах.

М. Курников

- Простите, я уточню этот момент — он меня очень зацепил. Мы, конечно, много сегодня будем говорить об этом здании, но вы сказали, что это единственная студия. Так было всегда? И в советское время так было, или это единственная оставшаяся студия?

А. Рыбников

- Оставшаяся студия. У фирмы «Мелодия» была студия, которая... Я уже забыл: тогда называлась улица Станкевича, сейчас — Брюсов переулок? Нет, не Брюсов... Вознесенский переулок. Это была кирха.

—

**А.Рыбников: Все-таки решение
должно принимать Управление
делами президента. Это повыше
министра культуры**

—

М. Соболева

- Англиканская церковь.

А. Рыбников

- Да, мы просто называли ее кирхой. С замечательной акустикой. Там было сделано очень много записей — практически все, что мы слышим и в кино, и на пластинках. И симфоническая музыка, и эстрадная — все было записано в той студии. Но эту студию отдали Англиканской церкви.

М. Соболева

- В 1994 году.

А. Рыбников

- Была студия звукозаписи на Лиховом переулке. Это была студия документальных фильмов. Там был зал, где, правда, писали исключительно для кино. Была студия научно-популярных фильмов, где тоже был свой зал для записи музыки. Но это, конечно, несравнимо по качеству с ДЗЗ.

Вот были эти студии — и одна за другой все исчезли. Все разобрали. Осталась только одна эта студия.

М. Максимова

— То есть получается, эта — последняя, и ее пытаются ликвидировать?

А. Рыбников

— Последняя и самая лучшая. С ее потерей у нас вообще исчезнет — мы потеряем лицо цивилизованной столицы, цивилизованного государства. Ну не может быть, чтобы в стране не было!

М. Курников

— Давайте тогда поговорим об истории этого здания. Вы как раз сказали, что можете подробнее об этом рассказать. Насколько я понимаю, здание построено в 1936-1938 годах.

М. Соболева

— Первое упоминание о том, что здание будет построено, было в «Литературной газете» в 1934 году. Кстати, многие говорят, что здание построено на месте разрушенной церкви.

М. Максимова

— То есть история повторяется: сначала то разрушили, теперь это?

М. Соболева

— Я нашла в интернете сведения (специально заинтересовалась этим вопросом): церковь разрушили в 1932 году. А первые упоминания о том, что будет построен Дом звукозаписи — в 1934.

М. Курников

— То есть церковь разрушили не для того, чтобы построить это здание?

М. Соболева

— Не факт, что ради этого. Нет прямых доказательств, потому что прошло 2 года до тех пор, пока не возник план строить в этом месте Дом звукозаписи. Надо понимать, что до того, как возникла эта мысль — строить этот Дом звукозаписи... А Дом звукозаписи строился именно для пластиночного производства. Радиофонд туда заехал позже, я расскажу об этом.

Все пластиночное производство было раскидано по Москве по разным местам, и становление этого бизнеса происходило очень сложно. Потому что вы знаете, какие страшные годы в истории нашей страны вообще предшествовали этим 30-м годам — годы формирования нового государства,

новых производств. И конечно это формирование было очень болезненным. Но все-таки к 1934 году все силы собрались настолько, что возникла необходимость собрать отдельные цеха, которые занимаются механическим производством — студии звукозаписи, редакторский отдел — собрать все это вместе и сделать некое производство. При том, что артисты Большого театра выступали за эту идею, и в результате эта идея возымела верх.

На самом деле там были очень сложные перипетии с передачей этого производства одним организациям, другим. Но в результате всех этих перипетий эта ситуация все-таки как-то централизовалась, и Дом звукозаписи решено было построить. В 1934 в этой заметке «Литературной газеты» было написано, что его построят за год, и что это будет дворец, который будет иметь то, то и это, и все там будет.

М. Курников

- Во все времена при всех властях новости про будущее всегда лучше, чем про настоящее.

М. Соболева

- Да, к сожалению. На самом деле первую запись в этом здании сделали, если не ошибаюсь, только в ноябре или декабре 1938 года. При том, что вы сами помните, какими были 1936 и 1937 годы, и сами понимаете, какой урон могли понести те команды, которые занимались строительством этого здания.

Доподлинно известно, что, поскольку у нашей страны не было опыта строительства таких зданий, инженеров, которые должны были это строить, посылали в Америку. Некоторые — даже те, кто там работает — считает, что строили немцы. Но вот то, что я нашла в информации — что посылали в Америку.

Потом было спроектировано и построено, причем нашими архитекторами, первое здание — там, где находится 1-я студия. Очень много сил тогда было потрачено именно на акустическую настройку этой студии. И именно поэтому — потому что много сил было потрачено — она прекрасно зазвучала.

С поздней осени 1938 года это здание начало выполнять свою роль. Там был цех гальванопластики, восковарня, сидели инженеры.

М. Курников

- Все производство.

М. Соболева

- Практически все производство. Только тиражи печатались на заводе — Ногинский завод, который потом в войну был вывезен в Ташкент и стал основой Ташкентской студии звукозаписи.

Наступила война, как всегда, на самом взлете обрубив этот развивающийся бизнес и эту ситуацию. И во время войны ситуация, конечно же, изменилась: пришлось туда поселить радиовещание. Вы помните, какая ситуация была под Москвой: немцы шли к Москве, и нужно было решать очень много вопросов. Поэтому нужна была оперативность доставки записей сразу в эфир. Поэтому там поселилось радио, и именно это здание предупреждало всю Москву о бомбежках. Именно из этого здания была объявлена победа в ночь с 8 на 9 мая.

Конечно, это здание претерпело очень много в те времена. Много воспоминаний тех людей, которые там тогда записывались — оттуда прямо на фронт шли вести, шла музыка, шло все, что могло тогда помочь фронту. Во время войны радиовещание занимало все больше места в этом здании, и все меньше оставалось грампластинкам. Естественно, потому что военные нужды больше нуждались в эфирных задачах.

М. Курников

- Тем не менее, это все равно эфирные задачи — задачи звука.

М. Соболева

- Конечно. Оттуда играла музыка, там записывались коллективы. После войны задачи радионного блока расширились. Оттуда шло музыкальное вещание.

М. Курников

- И тогда была перестройка этого здания? То есть пристройка.

—

А.Рыбников: Технологии меняются,
совершенствуются, а акустика
остается. 5-я студия уникальна, она
одна в России

—

М. Соболева:

- К 60 м годам все это настолько развилось: там появился «Радиофильм», литературно-драматический блок. Там было настолько богатое развитие, что они перестали помещаться во всем этом. В 60-е годы было построено здание на Пятницкой — оно называется «Всесоюзное телерадио». И тогда остатки грампроизводства были переведены: создана Всесоюзная студия грамзаписи, которая и стала основой дальнейшего концерна «Мелодия». Именно поэтому я и считаю, что «Мелодия» является историческим преемником того дома звукозаписи. Туда, на «Мелодию», перешла часть звукорежиссеров.

Просто разделились задачи. Эфирные задачи более оперативные. Фондовые задачи, которыми занималась «Мелодия», требуют большего качества и большей тщательности работы.

М. Курников

- Я так понимаю, что наш гость, композитор Алексей Рыбников, впервые побывал в этом здании в те времена.

А. Рыбников

- Да, это был, по-моему, 1954 год. Не 1955 — раньше 1955-го. Я был юным пионером. Пришел в этот дом, в студию, и сыграл на рояле свои произведения. Это был прямой эфир, обращенный к полярникам. Тогда такие вещи делались.

М. Курников

- Радиомост такой.

А. Рыбников

- Да, радиомост. Мы поговорили с полярниками, они нам что-то говорили, я играл. В общем, это было очень давно — в 1954 году. Потом там Геннадий Рождественский и Олег Коган играли мой скрипичный концерт. Потом уже не счесть всего: и музыку к фильму писали — к очень многим фильмам, и симфонические произведения. В общем, вся жизнь была связана с этим.

Мне кажется, история потрясающе интересная: я многого не знал из того, что сейчас услышал. Но это ценно нам не только как памятник чего-то прошлого. Сейчас на базе Дома звукозаписи можно сделать очень интересную новацию, нововведение. Дело в том, что правительство Москвы обратилось в одну американскую компанию с просьбой составить план на это столетие. И в области культуры в этом плане есть такое: делать мультимедийные кластеры, где соединялись бы кино, театр, музыка — в общем, разные искусства. Говорят, в Корее, после того, как они стали делать мультимедийные кластеры, начало

очень хорошо развиваться кино. Для будущих поколений это очень важно. Это здание, эти студии, эта акустика могли бы послужить основой для инновационного комплекса и прорыва в будущее.

М. Курников

— Мы еще обязательно поговорим о будущем.

М. Максимова

— Я просто хотела уточнить... Почитала в интернете — уже много откликов на эту ситуацию. Сравнивают: перепрофилирование этого здания — все равно что уничтожить Большой театр. Вот Большой театр как раз недавно отреставрировали. Вы сейчас рассказали про историю этого здания с 30-х годов. А оно, если говорить про настоящее и будущее, просто закинуть крючок, уже было переведено на какие-то современные рельсы?

М. Курников

— Или как сделали в 30-50-х, так оно все и осталось?

А. Рыбников

— Знаете, слава тебе Господи, что там ничего не тронули! Потому что акустика — очень хрупкая вещь. Начинают делать вот эти реставрации... Я уж не хочу сейчас говорить про наши залы, чтобы никого не обижать. Но делают реставрацию — и пропадает вот это звучание, такое божественно-вдохновенное.

М. Курников

— Неужели это такая уникальная штука? Вот мы сидим на радио — у нас тут поролоном обили, и вроде все нормально, всех устраивает. Нет?

М. Соболева

— Если хотите, могу сказать пару слов, что такое акустика. Постараюсь без специальных терминов.

М. Курников

— Чтобы мы все поняли, конечно.

М. Соболева

— Чтобы вы понимали, что это вообще такое. Вообще, что такое акустическое поле? Акустическое поле — это целый комплекс или комплект отражений, которые формируются от излучаемых музыкальным инструментом или музыкальными инструментами волн. При том, что музыкальный инструмент

имеет специфику излучения: какие-то излучают направленно, какие-то — в разные стороны, какие-то громче, какие-то тише. Разный спектр, разные длины волн. И вот эти отражения, которые формируются в акустике — от пола, потолка, всех стен и всех отражающих конструкций — формируют единое поле, которое должно придать этому инструменту объемность, смягчать его тембр, украшать его звук, продлевать этот звук и делать его благородным и красивым.

Это то, о чем говорил Алексей Львович по поводу скрипки Страдивари. И вот создать такое поле, помещение с такой уникальной акустикой... Вот здесь у вас все просто заглушено. А там создать для акустических музыкальных инструментов поле, которое не будет заглушено, но при этом будет украшать, смягчать и делать звук объемным — это величайшая, сложнейшая задача.

До сих пор строительство акустически благоприятных площадок для звучания музыкальных инструментов — это искусство, которое не везде удается. Каждый музыкант вам скажет: здесь звучит, здесь не звучит. Каждый музыкант может вам на пальцах двух рук рассказать, где вообще в мире есть акустически благоприятно звучащие залы. На пальцах двух рук! А у нас с вами 2 прекрасных зала под руками здесь, в Москве, замечательно звучащих.

М. Курников

— 2 зала в этом здании?

М. Соболева

— В этом здании. Потому что в 60-х годах пристроили второе. Я не успела проговорить. Дальше, в 60-х годах, когда построили комплекс на Пятницкой, перевели «Мелодию» в англиканскую церковь и создали Всесоюзную студию грамзаписи, которая уже стала основой «Мелодии», ее бизнеса, в это время к первому зданию пристроили пристройку. И там построили огромную оркестровую студию. Просто те задачи, с которыми справлялась первая студия, уже не были достаточны, уже немножко не хватало места. Этот комплекс в так называемой 5-й студии, где можно записывать не только оркестры, но оркестры с хорами, большие составы — до 200 человек музыкантов можно туда посадить. Это студия, которую очень долго настраивали.

Там висят так называемые «паруса». Все, кто бывал там, видели фотографию — можно посмотреть, увидеть: такие специальные отражающие конструкции. Потому что несмотря на то, сколько было в нее вложено сил, она не сразу зазвучала, ибо проходила долгий период акустической настройки. В результате она стала вот этой «скрипкой Страдивари», которая обладает вот этими качествами уникальности акустики. А мы сейчас возьмем шуруповерт и все это снимем, размонтируем, сделаем там что-то? Как это возможно?

М. Курников

- Об этом мы еще поговорим в следующей части. Давайте тогда поймем: она таким образом просуществовала до 90-х годов как государственное учреждение. Что произошло потом?

М. Соболева

- Вот у меня даже есть маленькая справка: «К 1995 году в ГДРЗ насчитывалось 8 музыкальных студий, 4 речевых, 2 литературно-драматических блока, 60 монтажных аппаратных, реставрационный комплекс, участок тиражирования, ряд ретрансляционных пунктов и передвижных записывающих студий». Вы представляете, какого объема было это производство? Больше 300 часов вещания в сутки по разным программам!

М. Курников

- Как это — 300 часов вещания?

М. Соболева

- А вот так — по разным программам.

—

А.Рыбников: Все должны физически успеть подписать письмо. По-другому и быть не могло. Никто не остался равнодушным

—

М. Курников

- То есть для скольких каналов, грубо говоря...

М. Соболева

- Все вещание технически шло с Пятницкой. Все музыкальные редакции работали в ГДРЗ. ГДРЗ приобрело вот эту «Г» в 50-х годах — до этого было ДЗЗ. Когда стало сливаться с «Радиофильмом» и так далее, уже было присвоено вот это имя: Государственный Дом радиовещания и звукозаписи.

М. Курников

- Но потом наступили смутные времена.

М. Соболева

- А потом, как всегда, на взлете наступили смутные времена 90-х годов. И вот здесь государство начало монополизацию. Там начались хозрасчет, самоокупаемость. Вы помните эти времена, очень тяжелые. Конечно, этому уникальному комплексу пришлось очень тяжело.

А. Рыбников

- Но он выстоял и, главное, сохранил это все.

М. Соболева

- Он еще долгое время сохранял все свои функции. Музыкальная редакция работала и записи происходили все 90-е годы. Но все равно в 2002 году... На самом деле Гостелерадио было расформировано немного раньше, а в 2002 году это здание было передано ВГТРК «Культура» и уже практически года через 3 вся музыкальная часть оттуда уехала на Пятницкую. Там осталась только телевизионная часть, насколько я знаю и насколько точно я могу объяснить.

М. Максимова

- А что в итоге было потеряно в 90-е годы?

М. Курников

- И насколько она была загружена вплоть до того момента, когда она перестала быть студией звукозаписи?

М. Соболева

- Она сохраняла свои функции очень долго. К концу 80-х — началу 90-х там было поставлено цифровое оборудование: тогда был большой переход из аналога в цифру. Но дальше технологически она не совершенствовалась. Вы понимаете, что с тех пор произошло много технологических рывков в области цифрового звука и цифровых форматов. ВГТРК уже, видимо, не имело возможности поддерживать вот эту гонку за технологиями. Но я, если позволите, от всей души выскажу благодарность ВГТРК за то, что она не разрушила эти студии, а сохранила их такими, какие есть.

М. Курников

- То есть, по крайней мере, самое ценное, то, что потом трудно будет воссоздать, было сохранено.

М. Соболева

- Да. Фактически сейчас, если мы начнем новую жизнь этого комплекса, мы начнем ее с 90-х годов.

А. Рыбников

- Дело в том, что звукозаписывающая аппаратура, конечно, меняется, совершенствуется. И если это будет продолжать свое существование в качестве студии звукозаписи, там уже потребуется новое поколение оборудования.

М. Курников

- Я вот что хочу понять: там записывались, репетировали оркестры. Они работали все это время или были законсервированы и стояли?

М. Соболева

- Она до сих пор работает.

А. Рыбников

- Большой симфонический оркестр под управлением Федосеева имени Чайковского — один из самых лучших наших коллективов. До сих пор, по сей день это их база. Они там репетируют. Башмет тоже там.

М. Соболева: В 1

- й студии Юрий Башмет, в 5-й студии — Федосеев. 2 оркестра имеют там базы. Кроме того, студия все эти годы сдавалась коммерчески для записи музыкантов, и очень многие музыканты за эти годы воспользовались и записались там. Единственное, что поскольку она технологически не успевала и никто не вкладывал в нее деньги, какое-то оборудование, необходимое для сохранения современных цифровых стандартов, приходилось приносить с собой.

А. Рыбников

- Да, приносили с собой, и это все прекрасно работало.

М. Соболева

- Я там, в 1-й студии, записывала в конце июня. Она до сих пор работает. Несколько дней назад там была запись.

А. Рыбников

- А я запланировал запись на сентябрь этого года.

М. Курников

- Да вы оптимист!

А. Рыбников

- Нет, это было запланировано режиссером где-то в июле-месяце. Мы говорили, что в сентябре запишем там камерную программу. И я так надеялся, что мы это все запишем. И вдруг я слышу... Так что не только вчера, но и на завтра были планы.

М. Максимова

- Скажите (коротко, потому что осталось меньше минуты), эта новость была как гром среди ясного неба? То есть никаких сигналов, никаких предпосылок, никаких разговоров?

А. Рыбников

- Ничего. Настораживало, что канал «Культура» оттуда уехал на Шаболовку. Вот это настораживало всех. Но никаких конкретных планов. И в голову такое не могло прийти, понимаете. Это выше человеческого разумения.

М. Курников

- На самом деле нам пишут разное. Мы обязательно подробно всю ситуацию с этим переездом, с переводом здания в другую собственность и так далее разберем в следующей части нашей программы после новостей.

РЕКЛАМА.

М. Максимова

- 21.35 в Москве. Максим Курников, Марина Максимова в студии. У нас в гостях Алексей Рыбников, композитор (давайте так коротко вас представлю) и звукорежиссер Мария Соболева. Это далеко не все регалии, но я думаю, я еще повторю в конце. Говорим мы о судьбе Государственного Дома радиовещания и звукозаписи на Малой Никитской, которому, как я понимаю, предлагают переехать.

М. Курников

- Мы очень подробно в первой части поговорили об истории этого здания и как оно дошло до сегодняшнего дня. Кстати, я здесь отмечу, что приходят вопросы по смс. Еще раз напомним номер, если друг наши слушатели захотят спросить гостей — +7-985-970-45-45. Давайте тогда пойдем, что происходит сейчас: что

происходит с собственностью, с передачей этой собственности и как такое могло произойти?

А. Рыбников

- Вы знаете, нам конечно трудно знать, что именно происходит с бюрократической точки зрения, но насколько я понимаю, это здание ВГТРК отдало в обмен на какие-то другие помещения. Отдало «Известиям» — вот просто произошел такой обмен. Просто кто-то не учел этого — наверное, люди были слишком далеки от этого и просто не учли, что вместе с водой выбросили и младенца.

М. Курников

- То есть какие-то менеджеры или какие-то чиновники, на ваш взгляд, не подумав, что у здания могут быть какие-то другие назначения, что-то поменяли местами и мы получили такую ситуацию.

А. Рыбников

- Да-да.

М. Курников

- Мария, вы согласны с такой оценкой?

М. Соболева

- Здесь произошло что-то нам неизвестное — я согласна с Алексеем Львовичем. Единственно, что здание принадлежит Росимущество. Оно не поменяло владельца, оно поменяло государственного содержателя. И вот тут ВГТРК «Культура», которое, видимо, или не справилось с содержанием этого здания, или не смогло придать ему новой жизни, перевезло все свои основные рабочие места на Шаболовку в прошлом году. Сейчас здание опустело. И вот вдруг приходит информация о том, что здание передают «Известиям». Сначала все перепугались: что делать газете или медиа-холдингу в этом здании? Потом выяснилось, что это не медиа-холдинг, а ФГУП «Известия», которое в принципе вообще типография. И естественно, встает вопрос: что делать типографии в здании, которое специально строилось и настраивалось для совершенно других нужд?

Насколько позволяют судить новости, которые приходят на полях интернета, сами «Известия» не собираются заполнять это здание ни типографскими станками, ничем. Они собираются просто торговать помещениями, сдавать под офисы. Но эта информация недостоверная. Наверное, кто-то знает лучше. Но это то, что удалось выяснить.

М. Курников

- Вы сказали, что буквально на днях узнали о том, что происходит. Я цитирую по Звуки.ру. Они делали большой обзорный материал на эту тему и приводили мнение звукорежиссера Анатолия Вейценфельда, который писал: «Репетиционные базы Башмета и Федосеева в этом здании — это легенды. Но им директорам некоторое время назад сказали готовиться на выход и подыскивать новое место. Они стали готовиться и подыскивать. А кто-нибудь слышал про их протесты, открытые письма и обращения, публично высказанную озабоченность за судьбу уникального комплекса?».

У меня вопрос такой: почему мы узнаем от вас только сейчас, когда все уже происходит? Это действительно не знал никто в сообществе? Или кто-то знал, но просто смирился, начал спокойно готовиться к переезду и все такое?

М. Соболева

- Я точно знаю, что Анатолий Иванович Вейценфельд точно не знал ни о чем раньше. И о том, что кто-то знал об этом раньше, мы узнали примерно в один день. Несколько дней назад. Притом узнали так, что все музыкальное сообщество было, конечно, крайне возмущено тем, каким образом это делается. Тишина, тишина — вдруг в один день из ГДРЗ приходят вести о том, что начинается демонтаж. Приходит ликвидационная комиссия — вот сейчас все будут разбирать. Паника, ужас и так далее.

М. Курников

- А что там уже успели разобрать?

—

М.Соболева: ВГТРК не могло
поддерживать гонку за технологиями.
Но благодарность ВГТРК, что она
сохранила студии

—

М. Соболева

- Вот именно на следующий день должны были начать разбирать. Но вся музыкальная общественность возмутилась и пошла волна информации об этом — а до этого не было ничего: август, все в отпусках. Может быть, кто-то из работников ГДРЗ и знал что-то раньше. Возможно, и оркестры знали.

Но никто из общественности не знал.

М. Курников

— А что общественность начала делать? Что вы начали делать?

А. Рыбников

— От имени Союза композиторов я написал письма на имя президента...

М. Курников

— А вы председатель Союза композиторов, я напомню.

А. Рыбников

— Да. Я написал председателю Комитета по культуре Госдумы Ямпольской, написал министру культуры и в правительство, Голодец, тоже было написано письмо. То есть во все определяющие инстанции, которые определяют политику в области культуры.

М. Курников

— Кто-то из них уже ответил вам?

А. Рыбников

— Я читал сообщение ТАСС о реакции Ямпольской.

М. Курников

— У меня есть цитата по Газете.ру.

А. Рыбников

— Она очень горячо отреагировала. Остальные письма — понимаете, прошло буквально несколько дней. Были 2 выходных...

М. Курников

— Я процитирую то, что сказала госпожа Ямпольская: «Пока обращение Алексея Львовича Рыбникова ко мне не поступало. Но как только я его получу, сразу же начну действовать. Считаю тревогу нашего классика абсолютно обоснованной. Дом звукозаписи на Малой Никитской — место поистине легендарное, как раз в этом году ему исполняется 80 лет (видите, как она переходит на чиновничий язык). Это грандиозное здание никогда не меняло своего предназначения, оно строилось для нужд звукозаписи, строилось с умом и любовью по просьбе наших выдающихся актеров и музыкантов». По крайней мере, никаких обещаний я в этом заявлении не увидел.

А. Рыбников

- По последним сведениям, несколько часов назад, я узнал, что она с депутатскими запросами обратилась в разные инстанции. В какие точно, я не могу сказать, но она уже предприняла. До нее это письмо дошло только сегодня, и она начала действовать.

М. Максимова

- Скажите, а кто поддержал это письмо, петицию? Вы говорите, что вся общественность...

М. Соболева

- Это открытое письмо синициировали мы с Анатолием Ивановичем Вейценфельдом. Он его составил, и это открытое письмо мы сразу же отправили и в фейсбук, и куда могли отправить. И сразу же создали эту петицию, которая позволяла бы всем желающим высказать свое мнение по поводу этого дома.

Честно говоря, мы были поражены, насколько горячо реагировали и реагируют люди. На данный момент там, по-моему, уже больше 8 тысяч подписей, хотя прошло всего 3 дня. Судя по тому, как реагируют и музыканты, и не музыканты, и звукорежиссеры, и не звукорежиссеры, для всех то, что происходит с этим зданием — гигантская боль. И все очень горячо пытаются поддержать. Мне сегодня звонили несколько человек: где подписать, куда пойти, где еще можно проголосовать — скажите!

М. Курников

- Алексей Львович, вы, как председатель Совета Союза композиторов, можете говорить о сообществе. Насколько композиторы, музыканты, дирижеры, руководители оркестров откликнулись или не откликнулись? Или могли бы и побольше откликнуться?

А. Рыбников

- Откликнулись, конечно же. Самое главное, что это наши ведущие музыканты — и Башмет, и Сладковский, и Мацуев, и Екатерина Мечетина, и многие другие. Сейчас будет коллективное письмо, которое, очевидно, уже завтра появится на свет, потому что все просто должны физически успеть его подписать. Да по-другому просто и быть не могло. Никто не остался равнодушным.

Но вы знаете, это не просто эмоции со стороны Союза композиторов и фирмы «Мелодия». У нас есть абсолютно конкретное предложение, как эту ситуацию можно разрешить, с тем, чтобы все стороны были довольны. Казалось бы, это

невозможно, но это возможно. У Союза композиторов есть 6 тысяч метров помещений в Центральном округе. Подчеркиваю: не где-то на окраине, а в Центральном округе. У Союза просто нет таких денег, чтобы привести это в такое состояние, чтобы можно было как-то эксплуатировать. Но это 6 тысяч метров полноценных помещений.

М. Курников

— В центре Москвы, вы сказали?

А. Рыбников

— Центральный округ, в районе Бауманской. И у фирмы «Мелодия» тоже есть 2,5 тысячи метров. И мы предлагаем эти 8,5 тысяч метров в обмен на то, что нам отдадут этот комплекс звукозаписи. Не весь дом, потому что он 16 тысяч метров, а хотя бы отдайте вот эти 8,5 тысяч, где залы с акустикой.

М. Максимова

— А туда все удастся, в эти 8,5 тысяч?

А. Рыбников

— Конечно! А вот эти офисные 6-этажные нам просто необязательно.

М. Соболева

— Берите, берите, сдадите в аренду!

А. Рыбников

— Ну, «берите»... «Съесть-то он съест, да кто ж ему даст?». Но по крайней мере, это очень конкретное, спокойное и позитивное предложение.

М. Курников

— Здесь приходит много вопросов. «Не стоит ли вам построить новое здание и переехать туда?». По самым последним достижениям науки...

М. Соболева

— Новое здание чего?

М. Курников

— Вот такой студии.

М. Соболева

— Такую студию построить заново?! Ну что вы, это нереально!

М. Максимова

— Почему? Может быть, и лучше можно.

М. Соболева

— Это настолько дорого, что сейчас даже в мире не строят таких зданий.

А. Рыбников

— Ну мы говорили про скрипки Страдивари. Зачем за скрипками Страдивари охотиться, платить какие-то деньги? Да сделайте этих скрипок! Вон у нас фабрика есть по изготовлению скрипок — их там каждый день делают по 10 штук. Понимаете, смешно говорить об этом.

М. Соболева

— Многие мастера пытались повторить секрет Страдивари, и им не удалось.

М. Максимова

— Скажите, а у людей, которые принимают решение, нет понимания этого? Я читаю в интернете — тот же «Коммерсантъ» — там, например, про 5-ю студию говорят (я цитирую): «При этом сама студия технологически не уникальна, а сохраняет скорее символическое значение». Это что — нет понимания?

М. Курников

— Вы согласны?

М. Соболева

— Категорически нет!

А. Рыбников

— Как — «технологически не уникальная»?

—

М.Соболева: С 1938 года это здание начало выполнять свою роль. Был цех гальванопластики, восковарня, сидели инженеры

—

М. Курников

- По «Коммерсанту».

М. Максимова

- «Сама студия технологически не уникальна, а сохраняет скорее символическое значение».

А. Рыбников

- А никто не говорит, что она технологически уникальна. Она акустически уникальна, вот что!

М. Соболева

- И что такое технологическая уникальность?

А. Рыбников

- Да. Технологии меняются, совершенствуются, а акустика остается. 5-я студия уникальна тем, что она одна в России.

М. Курников

- Вы говорили о том, что это здание — национальное достояние. Но формально, давайте напомним, это здание не является памятником культуры, памятником архитектуры. И вот в одном из сообщений — это «Вечерняя Москва» — вице-президент Московского Союза архитекторов Алексей Гинзбург утверждает, что «несмотря на определенную ценность здания для музыкального сообщества, с точки зрения архитектуры особенно большой ценности не представляет». В общем, говорит, что поэтому делать его памятником архитектуры будет неправильно.

М. Соболева

- Ну, если не делать памятником архитектуры, давайте сделаем национальным достоянием. Не с точки зрения архитектуры, а с точки зрения музыкального наследия, с точки зрения акустического комплекса. Я не знаю, как это делается формально, но в том, что это де факто национальное достояние, мне кажется, нет сомнений ни у кого из музыкантов.

М. Курников

- Вы очень точно подметили, что как только эта тема вышла в интернет, как только ее повесили в фейсбуке и на специальном сайте, где собирают подписи, вы сразу получили реакцию. Потому что здесь действительно трудно представить два мнения. Здесь все ясно и понятно. На ваш взгляд, почему

тогда (властью, потому что это государственное здание) было принято такое решение? Почему вам, человеку, который был доверенным лицом Путина — если не говорить о Башмете (тут как раз приходят смски на эту тему) — приходится писать такие письма и обращаться к общественности за защитой?

М. Максимова

— И доказывать какие-то очевидные вещи?

А. Рыбников

— Ну, я не обращался к общественности за защитой — это просто какая-то стихийная поддержка. Наоборот, я написал очень конструктивные письма — как раз и президенту. Потому что думаю, что разум и справедливость здесь должны восторжествовать. Именно так и происходит. Никаких демонстраций, никаких стихийных протестов, а просто спокойное, деловое решение проблемы.

М. Максимова

— Вас, кстати, здесь спрашивают, где можно подписать письмо в поддержку.

М. Соболева

— [Change.org](https://change.org), петиция в защиту Дома звукозаписи.

М. Курников

— Тем не менее, вы так уверенно говорите: мы написали письмо, нас услышат.

А. Рыбников

— А какое решение примут — я не знаю. Наше дело просто сказать, высказать свою точку зрения, обратиться. А какой будет ответ, мы конечно не знаем. Мы только надеемся на то, что нас поймут. Но утверждать это 100% никто не может.

М. Максимова

— А сколько у вас времени на то, чтобы попытаться решить проблему? Вот вы говорили, когда начнут выносить, или уже что-то начали выносить.

М. Курников

— Скручивать эти самые «паруса».

М. Соболева

— На прошлой неделе, как только начался демонтаж, именно в этот день поднялась волна возмущения, волна в защиту этого здания. Самое лучшее, что

произошло — это то, что демонтаж прекратился. И сейчас, на сегодняшний день, там не происходит демонтажа конструкций. Вывезли какие-то музыкальные инструменты, рояли — притом вывезли собственники. Ничего вандалического пока не происходит. И мы надеемся, что именно та волна, которую мы подняли, помогла этому. Но дальше нам конечно же очень хочется, чтобы было принято какое-то решение об остановке демонтажа, об остановке передачи собственности до того, как будет проведена консультация с профессиональной общественностью, с людьми, которые знают, для чего это здание, как его можно использовать и какие у него великолепные перспективы в будущем.

Давайте попробуем выиграть из этой ситуации, а не опять потерять! Очень хорошо сказал, по-моему, Алексей Любимов: «Почему людям культуры нужно постоянно защищать культуру и объекты культуры?». Почему так происходит?

М. Курников

- Я еще спрошу: вы сказали, что технологически это действительно была не уникальная студия и даже приходилось иногда доносить туда какое-то оборудование. Тем не менее, обычно в студиях есть дорогостоящее оборудование. Наверное, иногда есть инструменты — тоже уникальные. Если это рояль, его туда-сюда не потаскаешь. Это все осталось там сейчас или это все успели оттуда вывезти?

А. Рыбников

- Никто не может сказать. Вот меня РБК пригласил на завтра на съемки внутри этого здания. Позвонили туда, попытались договориться. Им сказали, что здание закрыто, никого туда не пускают. Поэтому понять, что там происходит, невозможно. Но я надеюсь, что оно закрыто не только для меня или для кого-то, а вообще для всех, и может быть, оно сейчас просто заморожено.

М. Соболева

- То, что я знаю: вывезли, по-моему, 2 рояля, которые принадлежат РГМЦ — это структура, которая включает в себя «Орфей» и живет на Пятницкой. Это их собственность. И завтра они должны вывезти 2 клавесина, которые им принадлежат. То, что я знаю: на сегодняшний момент никакого демонтажа не происходит, все тихо. Но дальше — мы не знаем. Каждый день мы ждем, что будет дальше. И действительно, что я знаю — сегодня пришел приказ из ВГТРК о том, чтобы в бюро пропусков никому не выдавали пропусков. Надеюсь, что вам-то дадут.

А. Рыбников

- Мне тоже ничего не дали — и слава Богу.

М. Соболева

- То есть они закрыли доступ к этому зданию для всех внешних проникновений. Конечно, я думаю, что и корреспонденты пытаются туда попасть, и многие сейчас пытаются. Но это здание закрыто.

М. Курников

- То есть какой-то процесс демонтажа начался...

М. Соболева

- Но был остановлен.

М. Курников

- Пока не произошло чего-то необратимого?

М. Соболева

- Нет, такого не произошло. И мы надеемся, что необратимое удастся предотвратить.

М. Максимова

- Еще я все-таки уточню по поводу того, как попасть в это здание. Вот эти временные пропуска, которые там нужно выписывать — это для всех? Или, например, у тех 2 оркестров, у которых там репетиционные базы, постоянные...

А. Рыбников

- Конечно, постоянные.

М. Максимова

- То есть все-таки кто-то может проходить?

М. Соболева

- Если у них есть завтра репетиция, они будут завтра репетировать.

А. Рыбников

- Вы уверены?

М. Соболева

- Я не знаю. Я просто не знаю их расписание.

М. Курников

- И как они смогут репетировать, если оттуда уже что-то вывезено?

А. Рыбников

- Там уже начались работы — какие же там репетиции?

М. Соболева

- Там остался рояль, купленный в 1996 году Фондом Сороса, в 1-й студии. Этот рояль не стоит на балансе у РГМЦ и у ВГТРК, поэтому он остается. Там что-то остается еще, и много. И потом те инструменты, на которых репетируют оркестры, принадлежат самим оркестрам, а не ГДРЗ.

М. Максимова

- Они там хранят...

М. Соболева

- НРЗБ офисы этих оркестров, хранилища их инструментов, конечно же.

А. Рыбников

- Ну, инструментов — контрабасов, в основном.

М. Соболева

- Контрабасов, ударных, литавр, больших барабанов. Объемные инструменты.

М. Курников

- Тут приходят вопросы — наверное, специальные, но я думаю, что вы сможете на них ответить даже если я не смогу до конца понять, что здесь имеется в виду. Тут перечисляется оборудование — «Почему тогда нельзя писать в Зарядье, в филармонии в БЗК?». Почему там нельзя записываться?

М. Соболева

- Я могу попытаться объяснить. И БЗК, и Зарядье, и филармония — это концертные организации, в которых, во-первых, идет постоянная концертная деятельность. Те, кто хотели когда-нибудь взять смену записи в БЗК, знают, что в течение сезона БЗК предлагает только ночные смены. Представьте себе: оркестр (100 человек) развезти домой ночью после смены звукозаписи, а утром вызвать их на репетицию! Это связано с гигантскими трудностями. Кроме того, концертные залы не обладают такими требованиями по шумам, как студии звукозаписи.

А. Рыбников

- Да, звукоизоляции там нет.

М.Соболева: Любое
перепрофилирование Дома
звукозаписи будет непоправимой
утратой для страны, всей культуры,
музыки

М. Соболева

- Звукоизоляции там нет, вентиляция там гудит, с улицы там слышны шумы. То, что не мешает проведению концертной деятельности, совершенно неприемлемо в студии звукозаписи. Поэтому это конечно же совершенно разный статус зданий. То же самое филармония. Филармония вообще не проводит коммерческих записей — только ведет концертную деятельность, хотя там есть прекрасные залы. Поэтому, конечно, проблема только в том, что это очень сложно сочетать.

М. Курников

- То есть технически в принципе возможно.

М. Соболева

- Технически возможно.

А. Рыбников

- Так и записывают с концертов.

М. Курников

- А звук будет отличаться?

М. Соболева

- Конечно! Как у разных скрипок, у разных скрипачей, так и у разных залов звук отличается категорически. Большой зал Консерватории звучит как Большой зал Консерватории. 5-я студия ГДРЗ — как 5-я студия ГДРЗ. Филармония — как филармония. Это совершенно разные музыкальные инструменты, они по-разному показывают звук тех музыкантов, которые там звучат. Конечно, записи концертов производятся и будут производиться.

М. Максимова

— Это как особый жанр?

М. Соболева

— Это особый жанр — live recording, концертная запись. А здесь речь идет о специальных записях, о фондовых записях оркестров.

М. Курников

— У нас осталось совсем мало времени. Давайте еще раз попробуем проговорить варианты выход из ситуации. Один из вариантов вы проговорили. Давайте, во-первых, его коротко — и какие еще могут быть варианты.

А. Рыбников

— То, что предлагает Союз композиторов и фирма «Мелодия», которые сейчас объединились ради этого дела. Мы даем 8,5 тысяч метров фонда для того, чтобы обменять, сделать бартер. Мы отдаем эти метры, и отдайте нам...

М. Курников

— Давайте еще раз подчеркнем, что это федеральная собственность, потому что тут очень много смсок по поводу московского правительства и всего такого. Это федеральная собственность, и решение поэтому принимается на федеральном уровне.

А. Рыбников

— Да, совершенно верно. Вот есть резерв вот этих квадратных метров.

М. Курников

— По идее, министр культуры Российской Федерации — это тот человек, который может принять такое решение.

М. Максимова

— То есть это Мединский.

А. Рыбников

— Я думаю, что все-таки решение должно принимать Управление делами президента. Это повыше министра культуры. Наверное, все это должно решаться там. Но имея в виду, что есть резерв вот этих 8,5 тысяч квадратных метров.

М. Курников

- Какой-то обмен. Какие еще варианты могут быть?

М. Соболева

- То, что предлагает профессиональная общественность. Я со многими провела консультации, и выражаю здесь не только свое мнение. Это создание некоего государственного предприятия на базе этого дома, в которое, конечно, может войти ядром и «Мелодия», и Союз композиторов. Некое государственное предприятие, основой уставной деятельности которого будет увековечивание фонда и продолжение создания новых единиц уникального фонда звукозаписей страны.

М. Курников

- Простите мне мой кощунственный вопрос: а это в принципе окупаемо? Вот гипотетически можно представить себе, что это будет окупаться?

М. Соболева

- Квотирование пополнения фонда — это только часть деятельности. Все остальное может идти на коммерческую деятельность. Музыканты придут писаться в этот дом, музыканты любят его. И если там грамотно построить политику, то там будет создано очень много интересных проектов — в том числе при участии Союза композиторов.

А. Рыбников

- Если вы помните, что я говорил про мультимедийный кластер, который и коммерчески, и с точки зрения искусства, и с точки зрения современного подхода к творчеству и к культуре — может быть, самое перспективное, что могло бы быть.

М. Максимова

- Спасибо большое! Это были Алексей Рыбников и Мария Соболева. Мы, к сожалению, прощаемся, время у нас закончилось. Говорили мы о Государственном Доме радиовещания и звукозаписи на Малой Никитской. Спасибо, до свидания!

М. Курников

- До свидания!